Валерий Юрьевич МЕРИНОВ

ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА И ИДЕОЛОГИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ И АКТУАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Настоящая статья посвящена исследованию феномена дискурса социального неравенства в диахроническом и синхроническом аспектах. На материале публицистики Д. И. Фонвизина (XVIII столетие) и произведений современных российских авторов обнаруживаются устойчивые нарративные и идеологические модели, способствующие легитимации общественных моделей авторитарно-иерархического типа. Методологический фундамент исследования образует синтез историко-культурологического подхода, критического дискурс-анализа и концепции «идеологии ограниченной субъектности». В работе доказывается, что дискурс социальной сегрегации, сформировавшийся в контексте просвещенческого традиционализма, транслирует ценности ригидной социальной стратификации, отрицает личностную автономию и провозглашает доминирование коллективных идентичностей над индивидуальными. Новизна работы состоит в осуществленном компаративном исследовании исторического и современного публицистического дискурсов, вскрывающем механизмы репродукции авторитарных социальных идеалов посредством культурных и медийных текстов.

Ключевые слова: *дискурс социального неравенства, идеология ограниченной субъектности, Д. И. Фонвизин, публицистика, авторитаризм, модели социального поведения, социальная сегрегация, коллективная идентичность.*

Valery Yu. MERINOV

DISCOURSE OF SOCIAL INEQUALITY AND THE IDEOLOGY OF LIMITED SUBJECTIVITY: HISTORICAL AND CURRENT PERSPECTIVES ON THE STUDY OF JOURNALISTIC NARRATIVE

This article examines the phenomenon of the discourse of social inequality in its diachronic and synchronic aspects. Based on the journalistic works of D. I. Fonvizin (18th century) and the writings of contemporary Russian authors, the study identifies stable narrative and ideological models that contribute to the legitimation of social models of an authoritarian-hierarchical type. The methodological foundation of the research combines the historical-cultural approach, critical discourse analysis, and the concept of the "ideology of limited subjectivity." The paper argues that the discourse of social segregation, which emerged within the context of Enlightenment traditionalism, transmits the values of rigid social stratification, denies personal autonomy, and proclaims the dominance of collective identities over individual ones. The novelty of the work lies in its comparative study of historical and contemporary journalistic discourses, revealing the mechanisms for reproducing authoritarian social ideals through cultural

and media texts.

Key words: *discourse of social inequality, ideology of limited subjectivity, D. I. Fonvizin, journalism, authoritarianism, models of social behavior, social segregation, collective identity.*

Введение: вопрос преемственности дискурсов социального порядка

Актуальной задачей современных гуманитарных наук, интегрирующих социолингвистику, политическую философию и cultural studies, является изучение дискурсов, служащих легитимации социального неравенства. В данной работе дискурс интерпретируется не в качестве нейтрального нарратива, а как «способ видения и проектирования мира» (М. Фуко), заключающий в себе отношения власти, подчинения и идеологические интенции [Дейк ван, 2013]. В этом свете особый исследовательский интерес приобретает анализ исторических и современных текстов, в которых происходит конструирование и обоснование моделей социальной иерархии.

Цель статьи — идентификация и сопоставительное изучение дискурсивных стратегий, утверждающих социальное неравенство, на материале двух хронологически дистанцированных, но идеологически родственных пластов: 1) публицистического наследия Дениса Фонвизина (1745–1792), русского писателя эпохи Просвещения, чьи работы являют собой сложный сплав просветительских идей и охранительно-сословной риторики; 2) современной российской публицистики, в которой, согласно предшествующим изысканиям, актуализируется феномен, обозначаемый как «идеология ограниченной субъектности» [Меринов, 2022].

Исходная *гипотеза* заключается в том, что публицистический дискурс, несмотря на кардинальные историко-социальные трансформации, сохраняет воспроизводство архетипических нарративов, оправдывающих жёсткую социальную стратификацию, ограничение персональной автономии и верховенство коллективных целей над целями индивида. Для верификации гипотезы используется методология критического дискурс-анализа, дающая возможность эксплицировать имплицитные властные отношения и идеологические конструкции, а также историко-культурологический подход, обеспечивающий адекватную контекстуализацию изучаемых феноменов.

Теоретические предпосылки: от географического детерминизма к идеологии ограниченной субъектности

Изучение публицистики Фонвизина требует обращения к её интеллектуальному базису, ключевой составляющей которого стало учение Шарля Монтескье о географическом детерминизме и «духе законов». Осмысляя идеи Монтескье, Фонвизин выработал пластичную идеологическую конструкцию, позволившую сочетать гуманистический пафос Просвещения с апологией крепостнического уклада. В рамках этой логики каждому народу предначертана «естественная» форма правления, детерминированная климатом, территориальными размерами и национальным характером [Montesquieu, 1999]. Для России подобной формой была провозглашена самодержавная монархия, зиждущаяся на незыблемой сословной иерархии.

Указанную систему воззрений допустимо концептуализировать в качестве исторического прототипа «идеологии ограниченной субъектности». Под последней подразумевается комплекс взаимосвязанных репрезентаций, базирующийся на тезисе о необходимости внешнего контроля и ограничения автономии индивида («субъектности») макросоциальными структурами — государством, нацией, коллективом [Меринов, 2022].

Структура данной идеологии включает два фундаментальных блока:

Макроструктурный блок: объединяет представления об обществе как об иерархическом, этатистском, патерналистском, монолитном и закрытом образовании, где государство поглощает общественную сферу, а дисциплинарные коллективы обладают приматом по отношению к личности.

Микроструктурный блок: основывается на скептическом отношении к «естественной» природе человека, интерпретируемой как слабая и подверженная порокам, и, как следствие, утверждает потребность в целенаправленном формировании таких качеств, как послушание, конформность, толерантность к принуждению, а также в доминировании групповой идентичности над личностной.

Творческое наследие Фонвизина являет собой показательный пример имплицитного воплощения этой идеологии в публицистическом дискурсе задолго до её терминологического оформления.

Дискурс социальной сегрегации в публицистике Фонвизина: нарративные стратегии

Фонвизин, закрепившийся в культурной памяти как «друг свободы» и обличитель общественных пороков, в своей публицистике (преимущественно в «Письмах из Франции») выстраивает последовательный дискурс, нацеленный не на отрицание сословного неравенства, а на его очищение и упрочение посредством риторики «естественного» порядка.

1. Легитимация иерархии через апелляцию к «естественности»

Фонвизин проецирует на социальную сферу натуралистическую логику Монтескье. Социальные роли, поведенческие коды, даже внешний облик представителей аристократии и крестьянства провозглашаются предопределёнными и не допускающими смешения. «Качественное отличие» господина от раба — в манерах, речи, эмоциональных реакциях — осмысливается как фундаментальный закон социального существования. Любое нарушение этих границ (к примеру, когда помещик ведёт себя «по-скотски», а крестьянин заявляет притязания на образование) интерпретируется не в качестве личного недостатка, а как угроза целостности социальной системы, ведущая к её «нравственной деградации». Следовательно, критика «злонравных» дворян (Простаковых, Скотининых) работает не на подрыв, а на самоочищение и консолидацию сословия, на возвращение его к «корректной» поведенческой модели, оправдывающей его привилегированный статус.

2. Конструирование образа Другого в качестве антимодели

Анализ «Писем из Франции» [Фонвизин, 1959] обнаруживает, что Франция в восприятии Фонвизина исполняет функцию негативного зеркала, антимодели, демонстрирующей катастрофические результаты разрушения сословных барьеров. Его описание французского общества представляет собой перечень симптомов социальной патологии, порождённой смешением сословий:

Нарушение поведенческих кодов: солдат, занимающий место рядом с офицером в театре; лакеи, не снимающие шляпы; принц крови, позволяющий себе грубость и толкающий встречных. Фонвизин с возмущением фиксирует: «В один раз, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучив стоять на своем месте, отошел от дверей, взял стул и, поставя его рядом со всеми сидящими знатными особами, сел тут же смотреть комедию… Удивила меня дерзость солдата…». Безразличие элиты к подобному нарушению

поражает его ещё сильнее: «Подле него сидел майор его полка… Удивила меня дерзость солдата и молчание его командира», который в ответ на вопрос лишь пожал плечами [Фонвизин, 1959: 488].

Утрата «чистоты крови»: продажа должностей и инфильтрация в элиту «подлых людей душою и происхождением», что влечёт за собой «кризис легитимности». Фонвизин усматривает коренную причину зла в том, что «к приобретению начальства одни деньги потребны стали», что есть «зло безмерное», приводящее к тому, что «доверенность к начальникам уступила место душевному к ним презрению» [Фонвизин, 1959: 481].

Субъектность низших социальных слоёв: активность «третьего сословия», аплодирующего, выдвигающего требования, организующего факельные шествия, что получает интерпретацию не в качестве гражданской активности, а как «нахальство», «бунт» и «праздность». Описывая чествование Вольтера, он с тревогой отмечает, как «народ закричал: "des flambeaux, des flambeaux. "… и бесчисленное множество народа с факелами провожала его до самого дома, крича непрестанно: "Vive Voltaire. "» [Фонвизин, 1959: 442], усматривая в этом опасную узурпацию публичного пространства и формирование альтернативных центров почитания.

3. Риторика «истинной» и «мнимой» свободы.

Одной из наиболее характерных дискурсивных стратегий Фонвизина выступает ресемантизация понятия свободы. Осуществляя сравнительный анализ, он приходит к парадоксальному, с позиций современности, заключению: русский крепостной, существующий в границах «естественного» иерархического порядка и пользующийся патерналистской опекой барина, обладает «действительной вольностью» и является более счастливым, нежели «псевдосвободный» французский наёмный работник, являющийся «рабом» рынка и материальной нужды. «Первое право каждого француза есть вольность: но истинное настоящее его состояние есть -- рабство, --- пишет он. --- Словом: вольность есть пустое имя, и право сильного остается правом превыше всех законов… Наш народ не имеет первой: но последнею во многом наслаждается. Напротив того, французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве…» [Фонвизин, 1959, с: 475]. Эта риторическая фигура выполняет двойную функцию: она дискредитирует альтернативные (демократические) общественные модели и одновременно легитимизирует существовавший в России крепостной

уклад как более гуманный и соответствующий «природе» народа.

Таким образом, фонвизинская публицистика предстаёт не в качестве революционного протеста, а как проект консервативно-охранительного толка, нацеленный на санацию сословной системы путём выявления и осуждения отклонений от «идеальной» модели авторитарно-иерархического социума.

Актуальная реинкарнация: идеология ограниченной субъектности в современной культурной публицистике

Предшествующий анализ современной российской публицистики, фокусирующейся на проблемах искусства, обнаружил значительную смысловую корреляцию с рассматриваемыми нарративами, получившую формализацию в концепте «идеологии ограниченной субъектности» [Меринов, 2022]. Её практическая реализация осуществляется посредством ряда взаимосвязанных стратегий: что находит прямое отражение в текстах современных авторов, таких как Л.А. Сычева[1]:

Апология патерналистского государства и долга. Государство репрезентируется как всемогущий ментор, покровитель и контролёр в культурной сфере, оберегающий творца и общество от «вредоносных» влияний и материальных соблазнов. Например, Л.А. Сычева позитивно оценивает роль советского государства как «наставника» и «контролёра вкуса», отмечая: «У нас была советская власть, следила за "вкусом". Давала неплохое образование… внешние советские скрепы» [Меринов, 2022: 5]. В обязанность художнику вменяется не следование творческой интуиции, а служение абстрактному или коллективному Целому (Богу, нации, государству, традиции). Так, Сычева определяет искусство как «проводник между Богом и людьми», тем самым возлагая на художника миссию служения высшей, внеличной сущности [Меринов, 2022: 6].

Морализаторство и дихотомизация. Эстетический анализ замещается моральным суждением. Культурные феномены, авторы и

[1] Сычева Л.А. 2004. Вожделения телеэлиты. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_2988.html (дата обращения: 01.11.2022). Сычева Л.А. 2005. В плену у биороботов. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_58.html (дата обращения: 05.11.2022). Сычева Л.А. 2010. Будущее художественного слова. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/culture/culture_3668.html (дата обращения: 06.11.2022). Сычева Л.А. 2018. Банкирский шик иль воинский гранит? Московский комсомолец, 2018, 25 августа, № 27766. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика. URL: https://lsycheva.ru/books/journalism/journalism_8797.html (дата обращения: 07.11.2022). Сычева Л.А. 2019. Больше чем музыка. Молоко, 11. Лидия Сычева: проза, критика, публицистика https://lsycheva.ru/books/culture/culture_9537.html (дата обращения: 08.11.2022).

направления подвергаются жёсткому разделению на «нравственные/чистые» и «безнравственные/грязные». К первым относят искусство, сконцентрированное на коллективной идентичности, этнической исключительности, «почвенных» ценностях и дидактизме (фольклор, классический русский реализм XIX в., соцреализм). Публицистика Л.А. Сычевой, как мы показали ранее, построена на таком моральном дуализме, где «чистому» искусству, сфокусированному на национальном «мы», противопоставляется «аморальное» современное искусство, акцентирующее индивидуальное и гедонистическое начало [Меринов, 2022: 6]. Ко вторым — всё, что актуализирует индивидуальное, экспериментальное, критическое или гедонистическое начало.

Конфликт «золотого прошлого» и «деградирующего настоящего». Конструируется мифологизированный образ великого, упорядоченного, идейно цельного культурного прошлого, противостоящего хаотичному, корыстному и безнравственному настоящему. В публицистике Сычевой, прошлое представлено как «цивилизация слова», населённая титанами искусства (Пушкин, Достоевский), в то время как настоящее — это время «цивилизации цифры», «деградации» и «торжества циников» [Меринов, 2022: 7]. Эта нарративная схема не только редуцирует спектр приемлемого культурного выбора, но и генерирует чувство утраты, оправдывающее необходимость «восстановления порядка» и усиления контроля.

Приоритет коллективной идентичности. Личность художника и художественного героя обретает ценность исключительно как часть и выразитель коллективного «Мы». В качестве эталонов провозглашаются творцы, чья биография и творчество полностью растворены в судьбе народа или государства. Ранее мы указывали, что в современной публицистике фигуры Есенина и Шукшина канонизируются именно как апологеты «коллективной национальной идентичности», а герой соцреализма ценится за слияние личной судьбы с судьбой народа [Меринов, 2022: 8]. Индивидуальная субъектность, рефлексия, сомнение трактуются как проявления чуждости, отрыва от «корней» и, в конечном счёте, социальной девиации.

Сравнительный анализ и углубление выводов

Осуществлённое компаративное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, углубляющих понимание механизмов функционирования авторитарного дискурса в публицистике.

1. *Инвариантность структуры при вариативности контекста.* Как в XVIII, так и в XXI веке каркасную основу исследуемого дискурса образует бинарная оппозиция «естественный/истинный порядок vs. хаотичное/мнимое разложение». У Фонвизина это противостояние России (хранительницы сословной чистоты) и Франции (жертвы смешения сословий). В современной публицистике — это конфликт «великой традиции» и «деградирующей современности», ярко представленный, например, в противопоставлении Л.А. Сычевой «цивилизации слова» прошлого и «цивилизации цифры» настоящего [Меринов, 2022: 7]. В обоих случаях данная оппозиция используется для дискредитации сложности, плюрализма и социальной динамики.

2. *Дискурс как инструмент деполитизации социального неравенства.* И Фонвизин, и современные сторонники «ограниченной субъектности» осуществляют тонкую подмену: социально-политический вопрос о справедливости и распределении власти транслируется в плоскость морали, эстетики и «естественного» закона. Неравенство перестаёт быть проблемой структурного насилия или несправедливого общественного договора, превращаясь в вопрос «чистоты», «соответствия природе», «верности традиции» или «художественного вкуса». Этот приём отчётливо прослеживается в современной культурной публицистике, где, как мы отмечали ранее, эстетический анализ подменяется моральным суждением, а культурные явления делятся на «чистые» и «грязные» [Меринов, 2022: 6]. Это даёт возможность легитимировать иерархию, не прибегая к рациональной аргументации, а воздействуя на уровень ценностных ориентаций и коллективных эмоций. Как отмечал Фонвизин, наблюдая падение нравов, «Развращение нравов дошло до той степени, что подлый поступок не наказывается уже и презрением» [Фонвизин, 1959: 481], — тем самым акцентируя моральный упадок как ключевую угрозу, заслоняющую вопросы социальной справедливости.

3. *Функция интеллектуала/публициста.* Фонвизин, как и некоторые современные авторы, занимает амбивалентную позицию критика-охранителя. Он задействует инструментарий просвещенческой критики (разум, сатиру, наблюдение) не для разрушения системы, а для её «терапии» — указания на «некорректных» представителей элиты и «опасные» социальные практики. Аналогичную функцию выполняет и современный публицист, который, критикуя отдельные явления современной культуры, на самом деле стремится к «санации» и укреплению определённого ценностно-иерархического порядка через

определение его границ. Таким образом, публицистический дискурс превращается не в голос оппозиции, а в механизм символической санации и внутреннего укрепления авторитарного порядка посредством определения и маркировки допустимых и недопустимых границ.

4. *Антропологическая константа: скепсис в отношении автономной субъектности.* Глубинным основанием как фонвизинского, так и современного дискурса выступает антропологический пессимизм — убеждённость в неспособности человека, предоставленного самому себе, к нравственной и разумной жизни. Из этого следует необходимость внешнего руководства: со стороны «просвещённого» дворянства и монарха — в XVIII столетии; со стороны «сильного» патерналистского государства и коллективных идентичностей — в современную эпоху. Свобода индивида воспринимается не как ценность, а как угроза и отклонение от нормы. Обличая французские нравы, Фонвизин фактически фиксирует крах проекта автономного субъекта: «деньги есть первое блаженство здешней земли… Божество его -- деньги. Из денег нет труда, которого б не поднял, и нет подлости, которой бы не сделал» [Фонвизин, 1959: 481], — что служит для него неоспоримым доказательством порочности общества, отказавшегося от иерархического руководства.

Заключение

Проведённый в статье анализ свидетельствует, что дискурс социального неравенства, развёрнуто представленный в публицистике Д. И. Фонвизина, не является исключительно историческим артефактом. Его базовые нарративные стратегии — легитимация иерархии через апелляцию к «естественности», конструирование образа Другого как антимодели, морализаторское деление на «чистое» и «нечистое», приоритет коллективного над индивидуальным — обретают своё концептуальное развитие в современной «идеологии ограниченной субъектности». Как мы показали ранее, эти стратегии находят конкретное воплощение в текстах современных публицистов, например, в апологии патерналистского государства, моральном дуализме при оценке искусства, конструировании мифа о «золотом прошлом» и прославлении фигур, олицетворяющих растворение личности в коллективном «Мы». Это указывает на существование глубинных, трансисторических культурных кодов, которые актуализируются в публицистическом дискурсе в условиях кризиса либеральных парадигм и усиления запроса на стабильность. Публицистика, следовательно,

предстаёт не просто в роли отражения действительности, но как мощное поле символической борьбы, где конкурирующие идеологии сражаются за право определять, что есть «нормальный» социальный порядок, «правильный» человек и «достойное» искусство. Результаты исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения проблемы:

Расширение компаративного анализа за счёт включения публицистики иных исторических периодов и культурных ареалов.

Исследование функции цифровых медиа в трансляции и модификации дискурсов социального неравенства и ограниченной субъектности.

Анализ рецепции данных дискурсов разнородными аудиториями с использованием методов социологии и рецептивной эстетики.

Углублённое осмысление этих механизмов обладает не только академической, но и практической значимостью, способствуя развитию критической медиаграмотности и рефлексии о фундаментальных принципах социального устройства и человеческой свободы.

Список литературы:

Дейк ван Тён А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.

Меринов В.Ю. Идеология ограниченной субъектности в творчестве современных российских публицистов: сущность и способы имплементации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 4. С. 640–650.

Меринов В.Ю. Особенности моделирования социальных отношений в публицистике Д.И. Фонвизина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40, № 4. С. 431–441.

Фонвизин Д.И. Письма из Франции // Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1959.

Montesquieu Ch. The Spirit of the Laws. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Whelan F. Population and ideology in the enlightenment // History of Political Thought. 1991. Vol. 12, No. 1. Pp. 35–72.

МЕРИНОВ Валерий Юрьевич – к.филол.н., доцент, доцент Российского государственного университета социальных технологий (г. Москва), *v.merinov@rgust.ru*